

Крылья есть - будем жить 2

Смолин Павел

Крылья есть - будем жить!

Павел Смолин

Крылья есть - будем жить! 2

«Автор»

2026

Смолин П.

Крылья есть - будем жить! 2 / П. Смолин — «Автор»,
2026 — (Крылья есть - будем жить!)

Игорь Гаранин пятнадцать лет вытаскивал людей с того света — садил вертолёт там, где садиться нельзя, спасал безнадёжных в тайге и тундре. Сердце остановилось прямо за штурвалом. Очнулся он не на том свете и не в этой жизни — а в теле восемнадцатилетнего младшего лейтенанта Андрея Пламенева, посреди первого боевого вылета, над горящей колонной под Сталинградом. Устаревшая «Чайка», зенитный огонь, немецкие истребители — и ни секунды на осознание того, что произошло. Гаранину не привыкать держать голову холодной там, где остальные теряют её первыми. Осталось выучить: в этой войне ошибка стоит не пациента, а собственной жизни — и жизней тех, кто рядом.

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Павел Смолин

Крылья есть - будем жить! 2

Глава 1

Глава 1. Приказ

Построение назначили на восемь утра, когда солнце ещё не вытянуло из снега ту синеватую предрассветную муть, в которой аэродром казался нарисованным углём по серой бумаге. Пламенев стоял в строю эскадрильи, слушая, как Ковалевич методично, без единой лишней интонации в голосе, зачитывает распоряжения, пришедшие за ночь из штаба дивизии.

Первым шёл приказ о графике ремонта повреждённых машин — Гуляеву и техническому составу предписывалось закончить восстановление парка к пятнадцатому числу. Вторым — уведомление о пополнении горюче-смазочными материалами, куда меньше, чем требовалось, но, как заметил Ковалевич сухо, «в объёме, соответствующем текущим возможностям тыла». Третьим — приказ о представлении к очередным званиям нескольких младших командиров технической службы.

Четвёртым, зачитанным тем же ровным, лишённым всякой торжественности голосом, оказался приказ о Пламеневе.

— Младший лейтенант Пламенев Андрей Владимирович, — произнёс Ковалевич, не отрывая взгляда от листа, — утверждает в должности заместителя командира звена третьей эскадрильи.

Он сделал короткую паузу, достаточную ровно для того, чтобы фраза улеглась в морозном воздухе, и тут же продолжил чтение следующего пункта — что-то про снабжение боекомплектom на ближайшую неделю. Никто не вышел из строя, никто не пожал руки, не прозвучало ни одного слова сверх того, что уже было сказано. Приказ лёг в общий ряд утренних распоряжений тем же порядком, каким ложился приказ о нормах горючего или о графике ремонта — фактом среди фактов, требующим исполнения, а не праздника.

Пламенев поймал короткий взгляд Дегтярёва — комэск не улыбнулся, не кивнул демонстративно, просто на долю секунды задержал глаза на его лице, будто проверяя реакцию, и тут же отвёл их обратно к строю. Этого было достаточно. Гаранин — та часть его сознания, что помнила три с половиной десятилетия совсем другой жизни, — отметил про себя с профессиональным пониманием: именно так, без лишних слов, и должна была выглядеть передача ответственности в конторе, где ошибка стоит не выговора, а чьей-то жизни.

Слева от него Круглов, стоявший в строю с тем же невозмутимым выражением лица, с каким слушал бы сводку погоды, чуть слышно, одними губами, произнёс:

— Поздравляю, — и тут же снова уставился прямо перед собой, будто ничего не говорил.

Пламенев не ответил — устав не предполагал разговоров в строю, — но зафиксировал реплику про себя с той же точностью, с какой фиксировал бы координаты цели.

Утро следующего дня началось с бумаги.

Список личного состава звена лежал перед Пламеневым на грубо сколоченном столе штабной землянки — три фамилии, включая его собственную, плюс приданный на сегодняшний вылет резервный экипаж. Три машины. Три человека, чья судьба на ближайшие несколько часов зависела не только от собственного мастерства, но и от того, в каком порядке он расставит их в строю, кому прикажет держаться выше, кому — прикрывать отход.

Раньше это делал Дегтярёв. Раньше Пламенев просто получал приказ — «идёшь вторым», «прикрываешь Волынцева на отходе» — и выполнял его, не задумываясь о механике решения, стоящего за короткой фразой командира. Теперь эта механика лежала на нём самим, и разница ощущалась резче, чем он ожидал.

Он разложил лист бумаги, придвинул огрызок карандаша и начал вычерчивать простую схему — кто идёт головным, кто замыкающим, на какой высоте держится резервная машина. Молодой пилот, приданный на сегодня из соседнего звена, — фамилия Гришин, три боевых вылета за плечами, — очевидно, нуждался в том, чтобы держаться рядом с более опытным ведущим, а не идти головным самостоятельно. Круглов, наоборот, вполне мог взять на себя замыкающую позицию — единственную, требующую способности реагировать на внезапную атаку сзади без подсказки.

Пламенев вывел на бумаге простую, будто инженерную, схему построения и на мгновение замер, разглядывая её с тем же ощущением, с каким когда-то — в другой, куда более далёкой жизни — разглядывал бы схему маршрута эвакуации в горах, зная, что от точности расчёта зависит не абстрактная эффективность операции, а конкретные, живые люди.

Разница между «летать хорошо самому» и «отвечать за то, кто полетит рядом» оказалась куда более осязаемой, чем он предполагал вчера, слушая сухое чтение приказа. Раньше цена ошибки исчислялась одной жизнью — его собственной. Теперь в этом уравнении появились переменные, которые он не мог полностью контролировать: чужой опыт, чужая реакция на страх, чужая удача.

Он отложил карандаш, аккуратно сложил лист и вышел из землянки навстречу утреннему морозу, неся с собой это новое, непривычное ощущение веса — не физического, а того рода, что не измеряется килограммами, но чувствуется не менее отчётливо.

Задача на вылет пришла обычная по меркам этого участка фронта — штурмовка узла обороны на подступах к небольшому населённому пункту, отбитому неделей раньше и вновь угрожаемому немецкой контратакой. Прикрытие с земли, судя по донесениям разведки, было умеренным: пара зенитных точек, не более.

Пламенев вёл группу сам — решение, принятое накануне вечером, когда он в третий раз пересчитал позиции на схеме и пришёл к тому же выводу: у него выше шанс пройти цель без потерь, чем у Гришина, и потому головным должен идти он, а не перекладывать риск на менее опытного пилота ради формальной справедливости.

Высота триста. Курс на цель. Круглов держится замыкающим, чуть выше и левее, ровно там, где отработанная за предыдущие месяцы связка предполагала его присутствие без единого слова в эфире. Гришин идёт вторым, послушно повторяя каждый манёвр ведущего с той старательной точностью, что выдаёт ещё не окончательно улёгшийся страх.

Разрыв справа. Не близко — метров сто пятьдесят, не больше.

Пламенев повернул на пять градусов влево, не меняя высоты, — компенсация упреждения зенитчиков, привычная, почти автоматическая поправка, выработанная не за месяцы этой войны, а за куда больший срок иной, вертолётной жизни, где расчёт траектории под огнём тоже был вопросом выживания, просто иного рода.

Второй разрыв — уже дальше, зенитчики потеряли высоту.

— Цель впереди, — бросил он в эфир коротко, без пояснений: экипажи знали задачу наизусть, лишние слова только съедали драгоценные секунды подхода.

Заход на бомбометание — ровный, выверенный, без суеты. Бомбы легли точно по указанным координатам, взрыв поднял фонтан земли и обломков там, где по данным разведки предполагался узел пулёмётных гнёзд. Пламенев повернул машину на выход, уходя резким сколь-

жением вправо и вниз, используя рельеф местности для прикрытия от возможного повторного огня, — привычка, вросшая в рефлекс ещё в первые недели на Чайках.

— Гришин, за мной, курс сто восемьдесят, — скомандовал он коротко, заметив краем глаза, что молодой пилот на долю секунды замешкался с разворотом, потянувшись за целью на секунду дольше положенного.

Голос прозвучал резче, чем требовалось для простой команды, — не крик, но с той степенью нажима, что не допускала переспрашивания. Гришин повернул немедленно, без пререканий.

— Неплохо для первого раза в новой роли, — заметил Круглов, когда обе машины уже катились по раскисшему от утреннего инея полю к стоянкам, и вылез из кабины с той характерной неторопливостью человека, для которого посадка была рутинной формальностью, а не поводом для облегчения.

— Гришин чуть не завис над целью лишние секунды, — отозвался Пламенев, стягивая шлемофон.

— Заметил, — Круглов пожал плечами. — Первый вылет под чужим командованием, не под комэском напрямую — не самая простая штука для новичка, даже если приказы те же самые. Ты его одёрнул вовремя, этого хватило.

Он окинул Пламенева тем же оценивающим, чуть циничным взглядом, каким разглядывал бы незнакомую матчасть.

— Замкомзвена — должность такая, — продолжил он, доставая мятую пачку папирос из кармана комбинезона. — Приказ тот же, а вес другой. Не потому что обязанности формально другие — потому что теперь, если кто-то из твоих сорвётся, спрашивать будут в первую очередь с тебя, а не с него.

— Я заметил, — сухо ответил Пламенев.

— Заметишь ещё больше, — усмехнулся Круглов, прикуривая от спички, прикрытой ладонью от ветра. — Но справишься. Ты и так уже давно считаешь риски не только за себя — просто теперь это официально записано в бумаге.

Он затянулся, выпустил дым в сторону, коротко хлопнул Пламенева по плечу — жест, заменяющий у него всякие излишние слова благодарности или похвалы, — и направился к своей машине, где техник уже осматривал пробоину в обшивке хвостового оперения.

Гуляев встретил Пламенева у самолёта с тем же выражением сосредоточенного недовольства, с каким встречал бы любую машину после боевого вылета — недовольство относилось не к пилоту, а к самой войне, регулярно портящей исправную технику.

— Ещё одна дырка в крыле, — констатировал он, обходя машину по кругу и указывая на свежую пробоину недалеко от элерона. — Не критично, латку поставим за пару часов. А вот с движком надо разбираться серьёзнее — обороты после третьего вылета подряд начинают плавать, я уже дважды тебе говорил.

— Дегтярёв обещал новую партию запчастей к пятнадцатому, — заметил Пламенев, вспоминая утреннее чтение приказов.

— Обещал, — фыркнул Гуляев без особого энтузиазма. — Обещания у штаба дивизии и запчасти у штаба дивизии — вещи, к сожалению, не всегда синхронные. Разберёмся тем, что есть, не впервой.

Он присел на корточки возле стойки шасси, придирчиво разглядывая амортизатор, и продолжил, не поднимая головы:

— Слышал, тебя в замкомзвена определили официально.

— Вчера на построении, — подтвердил Пламенев.

— Дело хорошее, — Гуляев выпрямился, вытирая руки ветошью. — Хоть какая-то стабильность в этом бардаке — раз командование ставит человека на должность, значит, доверяет, что машину назад приведёт с людьми, а не без них. По мне так это важнее любой медали.

Он кивнул в сторону хвоста машины, где уже возился с заплатами один из молодых техников.

— К вечеру всё залатаем, — добавил он деловито. — Завтра снова полетит как новая, разве что обороты я всё равно погоняю на земле лишний раз, мало ли.

Вечером в землянке было тесно и накурено — керосиновая коптилка чадила ровным, тусклым пламенем, бросая на бревенчатые стены дрожащие тени. Разговор шёл вялый, усталый после дневных вылетов, пока кто-то из связистов, заглянувших погреться, не обронил новость, принесённую по телефонной линии от соседей.

— Под Харьковом опять беспокойно, — сказал он, устраиваясь поближе к печке. — Немцы вроде как контратакуют крупными силами, кое-где потеснили наших обратно.

В землянке на секунду стало тише обычного.

— После Сталинграда думали, что дальше будет проще, — заметил кто-то из молодых лётчиков, не называя имени, просто вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Проще не значит быстрее, — отозвался Круглов, не отрывая взгляда от собственной папиросы. — Немец ещё далеко не выдохся, судя по всему. Одна выигранная битва — не то же самое, что выигранная война.

Пламенев слушал этот разговор молча, с тем самым двойным знанием, что сопровождало его почти на каждом крупном историческом повороте с самого сентября сорок второго. Он точно помнил из другой, далёкой жизни, чем закончится харьковское контрнаступление немцев — временным, болезненным откатом назад, который советские войска затем компенсируют куда более масштабным наступлением уже летом. Но здесь, в этой землянке, среди людей, для которых будущее оставалось непроницаемой стеной, подобное знание не давало ему права облегчать чужую тревогу пустыми заверениями.

— Поглядим, что штаб скажет завтра, — произнёс он вслух, ограничившись фразой достаточно нейтральной, чтобы не выделяться из общего разговора, но и не солгать напрямую.

Круглов покосился на него на мгновение дольше обычного — не с подозрением, а с тем же оценивающим прищуром, каким разглядывал бы незнакомую матчасть, — но тут же вернулся к своей папиросе, не продолжая тему.

Разговор в землянке постепенно затих, переходя на более бытовые предметы — кто-то жаловался на промёрзшую печку, кто-то делился слухами о скором пополнении личного состава. Пламенев сидел в тепле общего дыхания коптилки, ощущая под тонким слоем усталости от первого дня в новой должности что-то ещё, чему не сразу подобрал точное определение: не тревогу и не спокойствие, а ту особую, рабочую сосредоточенность человека, знающего маршрут наперёд и вынужденного, тем не менее, идти по нему с той же осторожностью, с какой шли бы люди, которым этот маршрут неизвестен.

Война продолжалась. Сталинград остался позади — рубцом, статистикой, эпизодом, завершённым и отгороженным от будущего. Впереди лежал новый год боёв, новая должность, новый вес ответственности, и где-то там, ещё невидимая с этого промёрзшего аэродрома, — Курская дуга, о которой здесь, в этой землянке, среди дыма и разговоров об усталых печках, никто пока не знал даже её будущего названия.

Пламенев затушил окурок, поднялся с нар и вышел на минуту наружу — вдохнуть морозного воздуха перед сном. Небо над аэродромом было ясным, звёздным, тихим — тем обманчивым покоем, что война оставляла людям ровно до следующего рассвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.